

На рубеже

6
1960

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В. ЕВСЕЕВ,

доктор филологических наук

РУНЫ „КАЛЕВАЛЫ“ И ИХ ИСТОЛКОВАТЕЛИ

Усилившийся в последнее время интерес к карело-финскому эпосу «Калевала» со стороны лиц, не владеющих языком подлинника, настоятельно ставит вопрос о достоинствах перевода «Калевалы» на русский язык. Несмотря на то, что перевод Л. Бельского удостоен в свое время Академией наук премии имени А. С. Пушкина, он не может ныне вполне удовлетворить всех читателей. Имеются случаи, когда из-за неудачных мест в переводе Л. Бельского создается неверное представление о соответствующих художественных образах и идейном содержании деталей и сюжетных коллизий рун не только у рядовых читателей, но и у не знающих язык эпического оригинала авторов, исследующих карело-финский эпос.

Чтобы не углубиться в историю изучения «Калевалы», я хотел остановиться главным образом на некоторых примерах некритического отношения к переводу и подлиннику «Калевалы» в статьях Е. М. Мелетинского, опубликованных за последние три года в разных журналах и периодических изданиях. На этих примерах чрезмерного доверия к переводу эпоса на русский язык, которые ведут автора статей к искажению отдельных, существенно важных эпизодов, мотивов в изучаемых им эпических произведениях, можно косвенно доказать необходимость нового перевода рун «Калевалы».

Вопрос этот нельзя решить без учета соотношения между текстами разных, отличающихся друг от друга композиций «Калевалы» и текстами народных, устно бытовавших и бытующих вариантов рун. Поэтому я буду касаться не только текста «Калевалы», но и вариантов рун. Очевидно, в новом переводе эпоса целесообразно учесть идейно-художественные, языковые особенности наиболее типичных вариантов даже тогда, когда отдельные такие детали оформлены Э. Леннротом в «Кале-

вале» иначе, чем в народных вариантах. Учитывая это обстоятельство, О. В. Куусинен в свою изданную в 1949 году новую композицию «Поэзия Калевалы» внес существенные изменения по сравнению с обеими композициями «Калевалы», изданными Леннротом в 1835 и 1849 годах. Незнание этих изменений привело Мелетинского к новому толкованию «Калевалы», к попыткам изучения генезиса карело-финского эпоса в значительной мере на основе перевода Л. Бельского, на основе отдельных, неправильно понятых, неверно переведенных вариантов рун и вообще на основе игнорирования обширных материалов карело-финского эпоса, остающихся не переведенными на русский язык.

Не удовлетворенный данным у Л. Бельского в «Перечне собственных имен» слишком кратким и ничего не дающим объяснением имени героя «Калевалы» Еукахайнена, но не ознакомившись с другими объяснениями этого имени, Е. Мелетинский решил в 1960 году дать новую этимологию этого имени. Он пишет, что имя Еукахайнена «происходит от joukko — спор и указывает на то, что он — спорщик, антагонист Вяйнямейнена»*. Обычно люди остерегаются давать объяснения слов и имен тех языков, которыми совершенно не владеют. Но Е. Мелетинский воспользовался, видимо, услугами случайного переводчика, который оформил русский перевод слова joukko не как «сбор», а как «спор», хотя и имел в виду «сборище, группу, скопление людей». На этом Е. Мелетинский, не заглянув даже в финско-русский словарь, построил свою концепцию о Еукахайнене, как спорщике. Тут даже перевод Л. Бельского не причем.

* Е. М. Мелетинский. К вопросу о генезисе карело-финского эпоса. «Советская этнография», 1960, № 4, стр. 73.

Очевидно, издание нового перевода «Калевалы» должно сопровождаться научно-проверенным комментарием и, в частности, надежными объяснениями собственных имен «Калевалы», чтобы в дальнейшем не только рядовые читатели, но и такие ученые как Е. Мелетинский, не могли выдвигать беспочвенные этимологические розыскания, основанные, как говорит приведенный пример, на случайной ошибке в переводе слова joukko.

Однако Е. Мелетинский не решился дать свое «оригинальное» объяснение имени основного героя эпоса — старого Вяйнямейнена, повторив некоторые, частично обоснованные этимологии отдельных исследователей рун. Генезис образа этого героя он строит с учетом объяснения его имени от слова väinä — «пролив, широкое устье реки». Но зато Е. Мелетинский искажил имеющиеся в некоторых моих исследованиях высказывания по поводу взаимодействия имени Вяйнямейнена с именем героя другой эпической песни — русского Веняляйнена, который, плавая на лодке с девушкой, подобно Вяйнямейнену, стремится стать зятем. Эту песню объединяет с руной о Вяйнямейнене и Еукахайнене троекратный несколько различно разработанный мотив выкупа. Е. Мелетинский пишет, что будто бы я выдвинул «...неприемлемую концепцию о том, что Вяйнямейнен является эпонимом венедов и во всяком случае носителем балтославянских хозяйственных навыков, представителем балтославянских выходцев, принятых в качестве зятьев в карельскую среду».

Незнание народных вариантов самим Мелетинским привело его к непониманию того, что здесь имеются в виду две разные эпические песни, в которых имя и образ героя рун Вяйнямейнена иногда вступают во взаимодействие с образом и именем другого героя — Веняляйнена, плавающего на лодке похитителя девушки. Это само по себе объясняется взаимосвязями отдельных групп предков карел и финнов с балтославянами, а позднее и русскими. Именно на это обращается внимание в моем утверждении, что «когда древние предки карел и финнов на патриархальной ступени развития первобытно-общинного строя сталкиваются с плодотворным влиянием древних венедов — балтославян, то соответственно намечается новый этап развития образа Вяйнямейнена»*. Одновременно с этим и кстати даже задолго

до этой монографии в других своих исследованиях я отмечал более ранние черты исторически развивающегося образа Вяйнямейнена. В определенный исторический период наметилось, но не получило развития взаимодействие ранее существовавшего образа Вяйнямейнена с более новым образом другой руны — Веняляйнена. В отдельных местностях более древний образ Вяйнямейнена в какой-то незначительной мере начинает осмысляться как образ героя, подобного русскому Веняляйнену. В имени Вяйнямейнен суффикс — *мейнен* или — *мойнен* выражает подобие и образован из слова мойнен «подобный кому-либо, чему-либо». Все это имелось в виду, когда я писал, что «люди, подобные венед-веняляйнен для упоминаемой в карело-финских рунах матери Еукахайнена... являются самыми желанными зятьями, и она, как видно из заключительного эпизода руны о состязании в пении, выражает радость по поводу того, что зятем в ее роде будет Вяйнямейнен». И тут же мною сделана оговорка, что этимология имен Вяйнямейнен и Веняляйнен «требует специальных лингвистических разысканий». Впрочем я приводил и появляющиеся в тех же локально ограниченных вариантах рун разновидности имени Вяйнямейнен без «й» в первом слоге (Вянямейнен) и разновидности названия Веняляйнен — с необычной огласовкой в первом слоге — Вяняляйнен. Кстати, вопрос об огласовке в первом слоге имени Вяйнямейнен при переводе «Калевалы» на русский язык затронут и Л. Бельским. Исходя из того, что имя этого героя «при соответствующей передаче могло бы принять русское начертание Вяйнямейнен, но такое начертание звучит с мягкостью, чуждой финскому произношению»*, он в конце концов избрал в своем переводе написание Вейнемейнен. В последующих изданиях русского перевода «Калевалы» все же появляется начертание Вяйнямейнен. Вопрос о написании этого имени, как и других имен естественно встанет и при подготовке нового перевода «Калевалы».

Замечание Е. Мелетинского по поводу концепции о Вяйнямейнене как о венедском зяте, принятом в карельскую среду, бьет мимо цели, так как в своих работах я отмечал и то, что в двух разных карело-финских рунах попытки старого Вяйнямейнена — (Вянямейнена) и русского Веняляйнена (Вяняляйнена) стать зятьями,

* В. Я. Евсеев. Исторические основы карело-финского эпоса, 1. М.—Л., 1957, стр. 106.

* Калевала. Финский народный эпос. Москва, 1915, Предисловие, стр. XXII.

претворяются в разных сюжетных коллизиях. Кстати, возможность приема пришлых зятьев в матриархальных родах отразилась во всех вариантах карельской руны о состязании в пении, где подчеркивается, что вопреки противодействию патриархально настроенного Еукахайнена, его мать выражает надежду на то, что Вайнямейнен станет желанным зятем в ее роде. Отмечал я и то, что сближение разнородностей имени Вайнямейнена и русского Веньяйнена имело место лишь в отдельных случаях. Подобным же образом в отдельных карельских вариантах русских былин имя Ильи Муромца видоизменилось в имя Илма Муромец, то есть в звуковом отношении отождествилось с основой имени — кузнеца Илмаринена. Но отмечая это, я совершенно не писал о генетической связи образов двух героев. Подобно этому, указывая на все вышесказанное, я всегда был далек от приписываемого мне Е. Мелетинским вульгаризированного вывода.

Чтобы во всех мотивах рун, изображающих Вайнямейнена, читатель увидел только действия мифологического «культурного героя», Е. Мелетинский идет даже на искажение содержания рун. Например, произвольно переводя соответствующие стихи, руны о состязании в пении, Е. Мелетинский утверждает, что «Вайнямейнен вспоминает о мифических временах, когда море еще было сухим»*. Это «наблюдение» Е. Мелетинского кочует из статьи в статью, появляется оно и в его статьях «Предки Прометея» и «К вопросу о генезисе карело-финского эпоса». В подтверждение своего утверждения он ссылается на публикуемый в моем сборнике «Карельские эпические песни» отрывок варианта руны М. П. Степанова, творчески переработавшего ее из текста «Калевалы», где имеется мотив вспахивания моря, но нет упоминания о «сухом море». Это и понятно, так как у карел и финнов не было таких историко-географических условий для возникновения мифических представлений о «сухом море» или иначе «сухом проходе в море», как было это, например, в библейском мифе о выводе в обетованную землю Моисеем своих соплеменников.

Если публикатор рун мог включить в свой сборник вариант П. М. Степанова, явно сложившийся под поздним литературным влиянием «Калевалы», наряду

с более древними народными вариантами, то исследователь древней мифологии Е. Мелетинский не должен бы ссылаться на варианты литературного происхождения. Для большей убедительности он приводит и другой пример, он говорит, что согласно классическому варианту Андрея Малинена Вайнямейнен якобы вспоминает о создании им морского дна. Записи от А. Малинена действительно не подверглись литературному влиянию «Калевалы», они сами были использованы при составлении «Калевалы», но все дело в том, что у А. Малинена нет вообще никакого упоминания о создании морского дна: Вайнямейнен утверждает, что им разрыхлены участки земли и вскопаны ямы для рыб. В ряде других вариантов руны о состязании в пении имеется такой же рыболовецкий мотив о вскапывании ям для рыб. Тут, возможно, отразились те условия, когда при недостатке соли, то есть вдали от моря, карелы пользовались небольшими ямами без стока воды в другие водоемы для хранения и накопления улова живой рыбы. Ни в одном варианте этой руны нет упоминания о том, что ямы для рыб были «сухим морем». В изображении героя руны, который «бороздит» море на лодке или, что тоже «вспахивает» море рулевым веслом, можно видеть обычную метафору, не дающую основания толковать этот мотив как представление о «сухом море». Землепашцы, занятые также и рыболовством и пользовавшиеся лодкой, вполне естественно прибегали к метафорическому выражению «вспахивания моря». Только в некоторых вариантах руны о состязании в пении Вайнямейнен вспоминает, как он бороздил море рулевым веслом, провозя на лодке муку. Согласно подавляющему большинству вариантов руны Вайнямейнен вспоминает, как он вспахал пригорки, лесные поляны, или просто участки земли. Упомянутого Е. Мелетинским «сухого моря» нет даже в «Калевале». Согласно третьей руны «Калевалы» Вайнямейнен вспоминает о вспахивании края моря, но имеющийся в переводе Л. Бельского стих «дно у моря опускали» совершенно не соответствует финскому тексту «Калевалы», где согласно точному переводу этого стиха должно быть — «внутренние водоемы углубляли». Таким образом, «Сухое море» было подсказано Мелетинскому вольным переводом этого стиха у Бельского.

В статьях Е. Мелетинского Вайнямейнену приписываются такие «культурные деяния», к которым он, согласно народным вариантам, никакого отношения не имеет.

* Е. М. Мелетинский. О генезисе и путях развития эпических жанров. Русский фольклор, V, М—Л., 1960, стр. 91.

Необоснованным является его утверждение, что предание о том, как Вяйнямейнен «сеет овес и сажает деревья» — подтверждается случайными, изолированными народными вариантами. Миф об этом в народных вариантах связан с именем Сампсы Пеллервойнена.

Е. Мелетинский пишет, что «в карельских рунах широко распространен сюжет возвращения людям солнца и месяца, спрятанных в камень хозяйкой Хийтолы или Похьелы. Героем этой руны иногда выступает Вяйнямейнен». На самом деле, в карельских народных рунах этот сюжет совсем не распространен, имеется всего полдесятка фрагментов, записанных в Карелии, не связанных с именем Вяйнямейнена. Среди же финнов-ингерманландцев известны версии этой руны также без упоминания имени Вяйнямейнена. Ни в карельских, ни в финско-ингерманландских вариантах, не говорится, что солнце и месяц спрятаны хозяйкой Хийтолы или Похьелы. Согласно финско-ингерманландским вариантам этой руны солнце и месяц освобождает сын Иисуса, или в более ранней версии — дочь кузнеца или просто девы. Лишь в двух случайных фрагментах сложившихся из разных сюжетов, упоминается Вяйнямейнен, но не в связи с освобождением солнца и месяца.

Склоняемый Е. Мелетинским термин «культурный герой», принятый в зарубежной фольклористике (в частности, в Финляндии фольклористом М. Кууси) условно применим по отношению к фольклорному персонажу, типически обобщающему черты людей доклассового общества, первобытно-родового строя, у которых борьба с природой преобладала над конфликтными коллизиями общественных отношений. Но и в таком случае культурным героем в карельской руне об уходе Вяйнямейнена уже не является отвергаемый народом дряхлый старец, который носит имя Вяйнямейнена лишь в силу поздней циклизации эпических сюжетов вокруг этого имени. На самом деле этот герой ни одной черты культурного героя не имеет, никакими магическими действиями не пользуется. Между тем в своих статьях Е. Мелетинский без учета доклассовой сущности понятия «культурный герой» пишет, что «при истолковании Вяйнямейнена как культурного героя становится понятным и его уход от своего народа. Для сказаний о культурных героях этот мотив очень характерен». Несколько страниц ниже, в той же статье, он делает оговорку, что якобы в руне об уходе Вяйнямейнена «сюжет ухода куль-

турного героя осложнен... более поздними мотивами». Тут Е. Мелетинский ссылается на мотив определения Вяйнямейнена как несправедливого судьи. Но дело не только в поздних мотивах, а и в том, что все идейно-художественные особенности этой руны, ее историческое содержание, ее стиль и сюжет в целом выявляют в ней позднюю по происхождению балладу, которая очень ограничена своим распространением и приурочена к имени пародированного Вяйнямейнена. В его лице вместо древнего культурного героя, перед слушателем народной руны предстает всеми высмеиваемый старец. Считая вызванный победой христианства уход отвергнутого Вяйнямейнена характерным для культурного героя, Е. Мелетинский снимает представление о персонаже, у которого борьба с природой преобладала над другими его функциями. Тем самым он противоречит сам себе, поскольку рассматривает мифы о культурных героях как явление дореволюционного порядка. От того, что Мелетинский многократно и назойливо повторяет определение «культурный герой», его статьи приобретают антиисторический характер. Историческое развитие образа Вяйнямейнена в его статьях не раскрывается. Можно предполагать, что ложное представление о характере основного героя в руне об уходе Вяйнямейнена возникло у Мелетинского под влиянием перевода последней руны «Калевалы» Л. Бельским и в связи с поздними привнесениями Э. Леннрота в эту руну, но никак не на основе народных вариантов руны.

Только анализ большого количества вариантов рун может дать исследователю основание серьезно изучить наблюдающийся даже во втором тысячелетии нашей эры процесс циклизации сюжетов рун вокруг имени Вяйнямейнена. Поэтому Е. Мелетинский не в праве чересчур «точно» датировать эту циклизацию вокруг образа Вяйнямейнена в следующей цитате: «отчетливые черты старика-патриарха в этом образе и ряд других мотивов позволяют не самые сюжеты, а их циклизацию вокруг Вяйнямейнена датировать в пределах второй половины первого тысячелетия до нашей эры — начала первого тысячелетия нашей эры». Такое утверждение смехотворно в устах серьезного исследователя карело-финского эпоса. «Точного» датирования избежали даже К. Крон и М. Хаавио, создавшие очень спорные реставрации якобы «первоначальных», подверженных циклизации сюжетов рун. Между тем выше можно было убе-

даться, что у Е. Мелетинского в циклизацию вокруг имени Вяйнямейнена попадает и то, что совершенно не связано с этим эпическим персонажем.

Эти статьи Е. Мелетинского изобилуют поистине удивляющими серьезного исследователя «откровениями». На всех «оригинальных» по их легкомыслию высказываниях о карело-финском эпосе нет возможности подробно остановиться. Положительные в своей основе утверждения Мелетинского выдвигались уже до него разными исследователями эпоса, но в большинстве случаев Мелетинский не ссылается на них.

На примерах из статей Е. Мелетинского я подробно остановился потому, что это — наиболее свежие, относящиеся к 1960 году, случаи несерьезного обращения ученого с источниками, с объектом изучения. К такому обращению толкает автора статей то, что не владея карельским языком подлинников устно бытующего эпоса и даже финским языком текста «Калевалы» и зная, что его читатели в большинстве своем не имеют возможности самостоятельно проверить достоверность изложенных в статьях фактов, автор подгоняет их под свои концепции.

Смутное представление о записях народных вариантов карело-финских рун привело к статическому подходу при изучении «Калевалы», в частности к фактическому отрицанию исторического развития образа Вяйнямейнена, не только фольклориста Е. Мелетинского, но и писателя-археолога А. М. Линевского. В статье, посвященной моей работе в области изучения рун, А. Линевский приписывает мне абсурдное утверждение, что будто бы каждая народная руна отражает только одну какую-либо историческую ступень развития. («На рубеже» № 3, 1959 г., стр. 155). В первом томе моего исследования допущена условная расчлененность по эпохам отдельных мотивов и эпизодов, являющихся напластованиями разных исторических периодов внутри одной руны. Но в то же время я подчеркиваю, что прослеживание этих пластов в одной руне наглядно говорит об историческом развитии художественных образов рун и их эпических сюжетов.

Знакомство с многочисленными народными вариантами рун, при истолковании древнейшей основы карело-финского эпоса А. Линевский видимо не считает обязательным. Он находит возможным ограничиться текстом «Калевалы» в переводе Л. Бельского. Видимо поэтому многое в моей работе остается ему непонятным

и в результате он приписывает мне то, чего у меня нет. В своей монографии, как и в других работах, я подчеркивал, что образ Вяйнямейнена является одним из древнейших эпических образов. Но если даже археолог имеет дело с древними предметами, подвергнувшимися разрушительному воздействию времени, то тем более фольклорист не может услышать древнее эпическое произведение в таком виде, каким оно было больше чем тысячу лет назад. Анализ огромного количества вариантов рун дает право утверждать, что древнейшая основа в общем-то сохранилась, но в облике Вяйнямейнена, как видно из ряда записей, появились и новые черты, которых не было раньше. Эти новые мотивы в рунах также должны изучаться. Вот тут-то у А. Линевского и начинается искаженная передача содержания моей работы. А. Линевский пишет: «Ничем не оправдана методологическая ошибка В. Я. Евсеева, позволяющего себе смешивать руны о племенных героях с таким поздним явлением, как исторические песни, которые складывались в период классового угнетения... Допустимо ли включать в эпоху феодализма синтетический образ родоплеменного мудреца Вяйнямейнена (не знающего меча и побеждающего своего противника одними магическими заклинаниями) наравне с такими конкретными деятелями истории, как например, Иван Грозный и царь Петр, Карл Двенадцатый и Павел Первый?»*

Я охотно ответил бы А. Линевскому на этот вопрос, что это недопустимо. Но ведь в соответствующем разделе моей монографии отмечается лишь то, что руны о Вяйнямейнене в некоторых своих основных мотивах были использованы при создании исторических песен об Иване Грозном и Петре Первом. Только в этой связи имя Вяйнямейнена упоминается мною рядом с именами этих исторических личностей. Кстати, вопреки утверждению А. Линевского, в ряде народных вариантов рун Вяйнямейнен знает меч; но в целом, в своем более древнем состоянии, образ Вяйнямейнена безусловно относится к дофеодалному периоду.

Согласно объявленного в мае 1960 года открытого конкурса, свои новые переводы отдельных рун, взятых из «Калевалы» в композиции О. В. Куусинена, начинают публиковать в периодической печати наши поэты. Здесь в целях предостережения переводчиков о недопустимости вольностей в этом деле хочется проанализировать

* А. Линевский. В. Я. Евсеев. «На рубеже», № 3, 1959 г., стр. 155.

один новый перевод фрагментов руны о похищении сампо.

Айно Хурмеваара дает своеобразное толкование некоторых деталей этой руны*. Мне кажется, что задача поэтов — создать перевод, адекватный оригиналу не только по художественной форме, но и по содержанию рун более точный, чем у Л. Бельского. Между тем уже в начале текста перевод Бельского стиха «Северный народ сзывает» точнее соответствует финскому тексту «Калевалы», чем перевод того же стиха у А. Хурмеваара: «созвала народ поспешно». Точнее передан Бельским финский текст и в стихах: «Тащит руль из глуби моря, руль дубовый из теченья», которые у А. Хурмеваара, ради сомнительной аллитерации переведены таким образом, что иной истолкователь «Калевалы» вроде Е. Мелетинского сделает вывод об использовании в мифические времена Вайнямейнена в качестве рулевого весла — «дубовой дубинки», которая на самом деле ни в тексте «Калевалы», ни тем более в народных вариантах как синоним рулевого весла не появляется.

Достаточно точно соответствующий финскому тексту перевод Бельским стиха «Взял он там немного трута», у А. Хурмеваара заменен набором слов: «Трута тоненькую нитку». Как бы мифологично не было содержание рун, но рунопевцы не представляли трут в виде тоненькой нитки. Такое же несоответствие оригиналу имеется у А. Хурмеваара в переводе стиха: «Превратила доски в крылья». В финском тексте слово *lauat* правильно переведено Бельским как «борты», тогда как понятие «доски» передается другим финским словом *lauat*. Речь идет о лодке, которая ни в «Калевале», ни в народных вариантах не названа дошатай; борты же имеются и у лодки, изготовленной из одного дерева. В другом случае А. Хурмеваара правильно не сопровождает слово лодка эпитетом «дошатая», хотя Бельский произвольно и переводит: «Раскололся челн дошатай».

Разумеется в переводе А. Хурмеваара имеются и удачные места, но их меньше, чем в переводах рун выполненных карельскими поэтами Н. Лайне и А. Титовым, допустившими лишь отдельные незначительные неточности.

Работа всех наших поэтов, которые трудятся над новым переводом рун, будет

предметом специального обсуждения, поэтому в данной связи можно ограничиться приведенными примерами, которые должны повысить у них чувство ответственности за точность переводов. Иначе говоря сопоставление деталей в переводах Л. Бельского и А. Хурмеваара должно насторожить наших переводчиков.

Не оправданным в переводе является неправомерное устранение некоторых архаизмов русского языка, допускаемых у Бельского. Нужно учитывать, что карело-финский эпос сам по себе архаичен и его русский перевод, как и переводы на другие языки, должен в какой-то мере передавать эту его стилистическую особенность. Нашим поэтам-переводчикам не следует перекрывать Бельского на пути модернизации языка перевода, хотя современности появления его русский литературный язык и претерпел некоторые изменения в стилистическом отношении.

Очень хорошо, что независимо от существования перевода Бельского поэты правильно задались целью перевода на русский язык отличающейся от свода Э. Леннрота композиции О. В. Куусинена «Поэзия Калевалы».

В самом деле было бы более целесообразно готовить в новом переводе на русский язык не издание «Калевалы», подготовленное Э. Леннротом, а издание на русском языке новой композиции О. В. Куусинена «Поэзия Калевалы», опубликованной на финском языке в 1949 году.

Разумеется, О. В. Куусинен изданием своей композиции «Поэзия Калевалы» преследовал не только научно-исследовательские цели, но и цель популяризации карело-финского эпоса. Поэтому соответствующим купюрам подвергались многие строфы и даже целые руны использованного им текста второго издания «Калевалы», подготовленного Э. Леннротом. Он исходил при этом из факта их несоответствия устно бытовавшему и бытующему народному эпосу как в их идейном содержании, так и по художественной форме. Это стало ясно О. В. Куусинену в результате детального знакомства с многотомным изданием вариантов карело-финских рун. Поэтому при переводе рун в композиции О. В. Куусинена «Поэзия Калевалы», о которой уже в 1949 году в периодической печати очень положительно высказался крупнейший текстолог «Калевалы» В. Кауконен, необходимо проявлять особую осторожность, чтобы не разрушить то, что однажды уже достигнуто.

* «Комсомолец», № 118, 4 октября 1960 г.